

Стены «штукатурят», а картины «ставят»

Внутренние работы в новых домах вели не только летом, но и зимой, для чего помещение отапливали особыми чугунными печами (так было при строительстве Большого Петергофского дворца).²³⁰ Такие работы, как всегда, были трудоемки, особенно если шла речь о царских покоях. «Окошечные рамы» делали из дуба, окна с мелкой голландской расстекловкой «столярным добрым мастерством» творил «оконничник Каспар Блек». ²³¹ Их красили также белой краской. Наличники, как в Домике Петра I, могли быть декоративные (цветы и листья).²³² Стекла в окнах чаще были «простые», а иногда и цветные либо с оттенком коричневого цвета или синевого. Такое стекло называлось «лунным», и его делали таким образом: выдували в виде шара, а затем он «путем вращения превращался в диск. Из такого диска с характерной радиально-концентрической волнистостью и вырезали прямоугольники для остекления». ²³³ Для закрепления стекол в рамах использовали свинцовые переплеты — держатели, а также замазку из белил, скипидара и конопляного масла. ²³⁴ В богатых домах двери делали из дуба, а на них петли ставили «голанские выгибные» ²³⁵, в прочих же обходились поделками отечественных слесарей и кузнецов.

Полы и потолки были двойные: на нижний «черный» пол подсыпали землю, сверху же, над потолком, «набивали глину». ²³⁶ Нельзя сказать, что в Петербурге сразу же утвердился паркет. Обычно на полы шли толстые пыльные или топорные сосновые доски, иногда те, что использовались на кораблях (они назывались: «тес судовой на полы и потолки» ²³⁷). Из ведомости о поставке в 1723 г. досок для Второго Летнего дворца видно, что топорные доски были длиной три сажени (6,3 м), а толщиной в 3 или 4 дюйма (7,6 и 9,2 см). ²³⁸ Паркетные полы не были в традициях Голландии, на которую ориентировался Петр. Это можно понять, побывав во дворце Хет-Лоо — резиденции Вильгельма III под Утрехтом, полы в залах которого, как палуба корабля: широкие некрашенные половицы, лишь кое-где ковры, все сурово и аскетично.

В домах и во дворцах Петербурга полы и стены нередко обивали красным, серым и зеленым (обычно мундирным) сукном. Так, в 1721 г. Берхгольц видел спальню князя Кантемира, стены которой были обиты крас-

²³⁰ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 306. Л. 186.

²³¹ Там же. Оп. 1. Д. 4в. Л. 201 об.

²³² Благовещенский Н. Н. Первоначальная окраска Домика Петра I // ПКНО: Ежегодник. 1976. С. 236.

²³³ Гессен А. Э. Реставрация Домика Петра I // Там же. С. 231.

²³⁴ РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Д. 3г. Л. 253; Оп. 2. Д. 44г. Л. 328; Д. 21. Л. 100.

²³⁵ Там же. Оп. 1. Д. 21. Л. 424.

²³⁶ Там же. Д. 33а. Л. 309. Так делали в 1723 г. во Втором Летнем дворце.

²³⁷ РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Д. 3г. Л. 243; Д. 44г. Л. 1557.

²³⁸ Там же. Оп. 2. Д. 37а. Л. 49.

ным сукном, а на полу лежали зеленые половики.²³⁹ Впрочем, все же известны данные и о паркете. О «Новых палатах» в Летнем саду в 1722 г. сказано, что там «делают полы наборные в пятнадцати палатах... против показанной модели».²⁴⁰ А из указов Екатерины I за 1725 г. о доделке нового Летнего дворца следует, что в спальне пол был выложен «мраморовыми (мраморными. — Е. А.) плитками».²⁴¹

Потолки подбивали тесом и обмазывали глиной (или «глиной с пенькою»²⁴²), известью и затем штукатурили, украшали лепным декором — алебастровыми и гипсовыми «штуками» в виде лепных «клейм», орнаментов и различных профилей, для которых итальянские мастера штукатурного дела А. Квадри и И. Росси использовали лучший тогда «гибрижский».²⁴³ Оштукатуривание было одним из неперенных условий противопожарной безопасности. Но некоторые владельцы этим пренебрегали, и тогда при описании петербургского дома встречается пометка: «...во всех жилиях потолки подбиты тесом» (1720 г.).²⁴⁴

Оклейка стен обоями. С русской гравюры

²³⁹ Берхгольц Ф. В. Дневник... Ч. 1. С. 63, 69.

²⁴⁰ РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 530. Л. 205 об.

²⁴¹ Там же. Д. 4. Л. 12—12 об.

²⁴² Там же. Д. 39. Л. 291.

²⁴³ Подробнее об этом см.: Калязина Н. В. Лепной декор в жилом интерьере Петербурга первой четверти XVIII в. // Русское искусство первой четверти XVIII века. С. 109—118.

²⁴⁴ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 66. Л. 348.

Потолки также обтягивали («подбивали») холстом, который белили мелом или красили в белый цвет. В богатых домах и в царских покоях на холсте делали живописные композиции в виде летящих в густых облаках богов, богинь и розовых купидонов. Стены обычно «штукаторы» штукатурили алебастром, предварительно набив на них рейки («дранницы двухсаженные») или какие-то особые обручи.²⁴⁵ В богатых домах холстом обивали также мыльни (бани) и нужники²⁴⁶, а бедняки возводили «удобства» из простого теса или вообще располагались на вольном воздухе, в огороде.

Поверх штукатурки прибивали мелкими железными гвоздями тканые или кожаные обои (обычно тисненные и иногда — с золочением) или пеструю набойку, сукно, вешали также шпалеры и восточные ковры (точнее, про эту операцию писали: «...полоты обшивали шпалеры»²⁴⁷). Гвоздей уходило очень много. В 1719 г. лавочнику И. Рудакову заплатили за 20 000 железных гвоздей «для прибивки обоев в комнатах царевен в Зимнем доме».²⁴⁸ Иногда стены расписывали масляными красками под мрамор или орех. Очень редко стены и даже потолок покрывали изразцами (как во дворце Меншикова) или украшали резными дубовыми панелями работы французского кудесника резчика Пино (вспомним снова Кабинет Петра I в Большом дворце Петергофа). Подобную роскошь, правда в ореховом варианте, мог позволить себе только А. Д. Меншиков.

То же можно сказать и об украшении палат богатыми занавесями и шпалерами. В июле 1719 г. французскому вышивальщику Рокинару заплатили за работу золотом и серебром, точнее «за переправку у кровати аглинской бархатной трех корон... а именно вышил по рисунку золотом и серебром».²⁴⁹ Вполне возможно, что Рокинар переделывал английские символы верховной власти в российские. Особое место в украшении богатого дома составляли живописные панно и картины. Их привозили из-за границы (чаще всего из Италии и Голландии²⁵⁰) или писали художники, жившие в Петербурге. Они делали все плафонные полотна («на потолок картину живописным мастерством»²⁵¹), которые заказывали обычно под определенный размер. Сохранились данные о таких работах в царских дворцах художников Каравакка, Тарсия, Георга Гзеля, написавшего для Летнего дворца Екатерины Алексеевны «в одну полату на потолок картину». Такой плафон прикрепляли к потолку в подрамнике. В 1970-е гг. при реставрации дворца Меншикова под плафоном работы Пильмана была обнаружена композиция «Рыцарь Победитель», написанная темперой по

²⁴⁵ Там же. Оп. 1. Д. 21. Л. 177.

²⁴⁶ Там же. Д. 17а. Л. 99.

²⁴⁷ АСПБИИ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 604. Л. 82 об.—83.

²⁴⁸ Там же. Л. 148 об.

²⁴⁹ Там же. Л. 84 об.

²⁵⁰ Андросов С. О. Итальянская скульптура в собрании Петра Великого. СПб., 1999. С. 23; Каминская А. Г. Приобретение картин в Голландии в 1716 году // Русская культура первой четверти XVIII века: Дворец Меншикова. СПб., 1992. С. 36—53.

²⁵¹ АСПБИИ. Ф. 115. Д. 604. Л. 101.

штукатурке.²⁵² Лучшие «персонные мастера» во главе с Иваном Никитиным писали портреты членов царской семьи, а Иван Одольский в 1719 г. делал позолоту на рамы «к персонам их величеств».²⁵³ Зеркала, портреты и прочие картины «ставили на стены», для чего прибавляли бруски и сверху спускали тонкие веревки, «которыми зеркала подцепляют».²⁵⁴ Осенью 1725 г. Одольский получил задание «написать... персоны, а именно: князь-папы, Строева, господина Нелединского, господина Ржевского, малого Бахуса, которой живет в Доме Ея императорского величества Екатерины I». Нужно думать, что речь идет о серии близких императрице персон, портреты которых она хотела иметь, подобно тому, как Петр некогда заказал знаменитую «преображенскую серию» портретов. Одольский в своем доношении канцеляриям просил отпустить ему краски. Перечень их может представлять интерес для читателя-художника: «белил добрых десять фунт, шифер венсу, вохры светлой, умры, вохры темной, шишгею светлого, кости зженой, бакану виницейского, киновари, лазори белыхской, джалона, масло маковое, масло конопляное, кистей харковых (т. е. из шерсти хорька. — Е. А.) и щетинных».²⁵⁵

Живопись для домов богатых петербуржцев везли со всей Европы, особенно из Италии, Франции, Голландии. Зачинателем этой моды стал Петр, большой любитель украшать свои дворцы картинами. Ему следовали и другие. Берхгольц описывает дом П. А. Толстого, на стенах комнат которого он увидел картины: на одной был изображен какой-то русский святой, а на другой — «нагая женщина». При этом Толстой заметил, что Берхгольц и его товарищи оказались очень глазасты: «сотни лиц, бывающие у него, вовсе не видят этой обнаженной фигуры, которая нарочно помещена в темный угол».²⁵⁶ (Вспоминается сцена из кинофильма «Как царь Петр арапа женил», когда боярин, увидев, что к его дому подъехал сам царь, испуганно кричит слуге: «Неси толстомясую!», после чего нагая «Венера» занимает почетное место в зале.) Кое-где в убранстве домов сверкало золото — эпоха пышного елизаветинского барокко еще не пришла. В царских покоях золотили дверные замки, шпалерные гвозди, а также гвозди на переносных нужниках.²⁵⁷

Словом, время шло, глаза боялись, а руки делали. Петербург строился. Буквально за два десятилетия на пустом месте вырос город, необычный для России, непохожий ни на русские, ни на западные города.

²⁵² Гессен А. Э. Реставрация Дворца Меншикова // ПКНО: Ежегодник. 1976. С. 242.

²⁵³ АСПБИИ. Ф. 115. Д. 604. Л. 67, 70.

²⁵⁴ Там же. Л. 124.

²⁵⁵ РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 4. Л. 41 об.

²⁵⁶ Берхгольц Ф. В. Дневник... Ч. 1. С. 66.

²⁵⁷ АСПБИИ. Ф. 115. Д. 604. Л. 33.